

УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-111-118>

Интерпретации проблемы «Ф. М. Достоевский и постмодернизм» в англоязычной критике XXI века

Дарья Витальевна Сушкова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
windyway4117@gmail.com, 0009-0000-9305-8508*

Аннотация

Взаимосвязи творчества Ф. М. Достоевского с литературой и философией постмодернизма представляют собой перспективное направление в англоязычной славистике XXI в. Рассматриваемые работы принадлежат преимущественно славистам США, однако таковыми не ограничиваются. Исследования опираются на произведения современной литературы, написанные под влиянием Ф. М. Достоевского («Бесконечная шутка» Д. Ф. Уоллеса, «Осень в Петербурге» и «Дневник плохого года» Дж. М. Кутзее и «Будь проклят Достоевский» А. Рахими) и на произведения самого классика («Двойник», «Братья Карамазовы» и «Кроткая»). Теория полифонического романа М. М. Бахтина играет связующую роль между произведениями Достоевского, произведениями современной литературы, написанными под влиянием Достоевского, и идеями постмодернизма. Особый исследовательский интерес вызывают темы раздробления личности, разрушения иерархий, подмены подлинного на симулякры и деконструкции смыслов. Профессор Университета Макао Питер Мэтьюс (КНР) отмечает, что раздвоение личности у Якова Голядкина становится одним из первых примеров раздробления сознания в постмодернистских романах. Профессор Университета Браун Светлана Евдокимова (США) полагает, что Достоевский стал создателем первых литературных персонажей, предвосхитивших эпоху симулякров. Профессор Пёрчэс Колледжа Нина Пеликан Страус (США) рассматривает точки соприкосновения во взглядах Достоевского и Жака Дерриды. Страус заключает, что теория Бахтина способна примирить деконструкцию религиозных смыслов с их негласным утверждением в диалоге. Профессор Университета Джорджии Александр Спектор (США) сопоставляет героя «Кроткой» с повествователями постмодернистских произведений В. Гомбровича. Исследователь Майкл Боуден (Англия) выявляет в произведениях современной литературы, написанных под влиянием Достоевского, феномен «метафизической ностальгии». Таким образом, в англоязычных исследованиях XXI в. присутствуют две противоречивые тенденции: некоторые исследователи подчеркивают точки соприкосновения между творчеством Достоевского и литературой постмодернизма; другие ставят наследие русского классика в противовес распаду нравственных и религиозных смыслов, характерному для литературы постмодерна.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, постмодернизм, деконструкция, «Двойник», Ж. Деррида, Ж. Делёз, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, У. Ф. Уоллес, Дж. М. Кутзее, А. Рахими*

Для цитирования: Сушкова Д. В. Интерпретации проблемы «Ф. М. Достоевский и постмодернизм» в англоязычной критике XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 111–118. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-111-118>

Interpretations of the Problem “F. M. Dostoevsky and Postmodernism” in English-language Slavistics of the XXI century

Darja V. Sushkova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, windyway4117@gmail.com,
0009-0000-9305-8508*

Abstract

The reception of Dostoevsky's works in the context of postmodern literature and philosophy constitutes a promising direction in English-language Slavistics of the XXI century. Scholarly works considered belong predominantly to slavists from the USA, but are not limited to such. These studies draw upon modern literary works, influenced by F. M. Dostoevsky (*Infinite Jest* by David Foster Wallace, *Master of St. Petersburg and Diary of a Bad Year* by J. M. Coetzee, and *A Curse on Dostoevsky* by Atiq Rahimi) and works of the Russian classic himself (*The Double*, *The Karamazoff Brothers*, and *The Meek One*). M. M. Bakhtin's polyphonic theory links Dostoevsky's works, works of contemporary authors, influenced by

Dostoevsky, and postmodern prose. Concepts such as splitting into doubles, levelling of hierarchies, substitution of the authentic by simulacra, and deconstruction of religious and ethical meaning evoke special research interest. University of Macau Professor Peter Mathews (China) points out that the splitting of Yakov Golyadkin's personality into doubles becomes one of the first examples of a shattering consciousness, common in postmodernist prose. Brown University Professor Svetlana Evdokimova (USA) claims that Dostoevsky created the first characters, who proclaimed a future era of simulacra. Professor of Purchase College Nina Pelikan Straus (USA) considers similarities between the religious beliefs of F. M. Dostoevsky and Jacques Derrida. She concludes that Bakhtin's theory links the deconstruction of religious meaning with its unspoken affirmation in dialogue. University of Georgia Professor Alexander Spektor (USA) contrasts the protagonist of *The Meek One* with narrators of W. Gombrowitz's postmodernist novels. PhD. student Michael Bowden (UK) finds a tendency towards metaphysical nostalgia in works of modern literature, influenced by Dostoevsky. Thus, such English-language studies of the XXI century exhibit two contradictory tendencies: some researchers emphasize the common ground between postmodern literature and Dostoevsky's works; others believe the Russian classic's legacy to offset to the breakdown of ethical and religious meaning, characteristic of postmodern literature.

Keywords: *F. M. Dostoevsky, postmodernism, deconstruction, The Double, J. Derrida, J. Deleuze, R. Bart, J. Baudrillard, W. F. Wallace, J. M. Coetzee, A. Rahimi*

For citation: Sushkova D. V. Interpretatsii problemy "F. M. Dostoyevskiy i postmodernizm" v angloyazychnoy kritike XXI veka [Interpretations of the Problem "F. M. Dostoevsky and Postmodernism" in English-language Slavistics of the XXI century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 111–118 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-111-118>

Введение

Почему творчество Ф. М. Достоевского со всей его остротой нравственных, религиозных и социальных вопросов продолжает вдохновлять исследователей и писателей в мире, пережившем две мировые войны, расцвет постмодернизма и деконструкции? Ответ, по мнению писателя Дэвида Фостера Уоллеса (David Foster Wallace), лежит в том, что «нравственное мужество» Достоевского помогает преодолеть атмосферу апатии в современной литературе [1, с. 272]. Майкл Боуден (Michael Bowden) в своем диссертационном исследовании «Современная достоевистическая литература: постпостмодернистское репозиционирование этики Достоевского в романах Дэвида Фостера Уоллеса, Дж. М. Кутзее и Атика Рахими» (Contemporary Dostoevskian Literature: The Post-Postmodern Repositioning of Dostoevskian Ethics in Novels by David Foster Wallace, J. M. Coetzee and Atiq Rahimi) показывает, что современные писатели зачастую обращаются к наследию Достоевского вследствие феномена «метафизической ностальгии» [2, с. 127]. Возможно, примером того же феномена является и религиозное «обращение» философа и изобретателя деконструкции Жака Дерриды. В своей статье «Деррида Достоевского» (Dostoevsky's Derrida) профессор Пёрчас колледжа (Purchase College) Нина Пеликан Страус (Nina Pelikan Straus) проводит параллели между религиозными позициями двух мыслителей [3, с. 555–567]. Ф. Ницше, З. Фрейд, М. М. Бахтин и Э. Левинас зачастую выступают в качестве посредников между наследием Достоевского и литературой и философией постмодернизма [2–4].

В целом в вышеупомянутых исследованиях присутствуют две тенденции. Первая подчеркивает

точки соприкосновения между творчеством Достоевского и литературой постмодернизма. Ее представляют статьи Мэтьюса, Дасгупты, Евдокимой и Страус. Достоевский, мысливший вне своего времени, предстает в роли создателя первых литературных персонажей, носящих сходство с героями постмодернистской прозы; он экспериментирует с деконструкцией смыслов, авторским правом и размытием граней между иллюзорным и действительным. В рамках иного подхода работы Уоллеса, Спектора и Боудена противопоставляют произведения Достоевского этическому релятивизму литературы постмодернизма. Страус полагает, что, несмотря на точки соприкосновения между диалогизмом и деконструкцией, религиозные взгляды Достоевского остаются намного более определенными, чем у позднего Дерриды.

Материал и методы

Материалами являются труды англоязычных русистов, а также исследователей-эмигрантов, работающих в университетах англоязычных стран, посвященные взаимосвязям наследия Достоевского с литературной и философской традицией постмодернизма [2, 5–10]. Материалы включают произведения современной литературы, написанные под влиянием Достоевского [11–15]. Произведения Достоевского, содержащие элементы постмодернизма («Двойник», «Братья Карамазовы» и «Кроткая»), также составляют материалы исследования [16–18]. В попытке представить современное состояние вопроса рассматриваются работы, написанные в XXI в. Подборка англоязычных исследований оправдывается тем, что рецепция наследия Достоевского в контексте диалога культур остается акту-

альной. Теоретической базой для исследования послужила монография М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» [19]; многие из рассматриваемых работ представляют собой «постбахтинское» направление в славистике США. В статье используются сравнительный и герменевтический методы.

Результаты и обсуждение

Открытия Достоевского во многом предвосхищают элементы литературы и философии постмодернизма. В рамках тенденции к сближению Достоевского с постмодернистами в своей статье «Деррида Достоевского» Нина Пеликан Страус выявляет точки соприкосновения между взглядами двух мыслителей. Несмотря на то что в своих философских изысканиях Деррида избегал упоминаний о Достоевском, ни один из героев модернистских романов не переживал «деконструкцию метафизики» так остро, как Иван Карамазов [3, с. 557]. Черт Ивана также использует метод, близкий к тому, который стал позднее известен как деконструктивный. Этот подход «заключает рассказчика... в замкнутом круге, внутри которого смысл без веры не может существовать» [3, с. 558]. Однако Иван Карамазов сходит с ума от невозможности убедиться в существовании Бога, в то время как постмодернисты обращаются к диалогической концепции Бахтина. Голос Бога становится лишь одним из множества голосов [3, с. 556–557; 19]. На сходство между подходами Бахтина и Дерриды также указывал Майкл Холквист (Michael Holquist) в эссе «Иррациональное услышано: Бахтин и Деррида» (The Surd Heard: Bakhtin and Derrida [3, с. 565; 8]. Согласно Страус, подход Бахтина к романам Достоевского служит связующим звеном между деконструкцией религиозных смыслов и их утверждением в диалоге [3, с. 563]. Деррида «мастерски освоил... риторику неопределенности»; «синтез диалогизма и деконструкции» увидел свет в рамках его «эсхатологического дискурса» [3, с. 557, 564]. Тем не менее взаимосвязь между концепцией Бахтина и идеями постмодернизма остается предметом дискуссий. Например, в статье «Бахтинская концепция события и ее влияние на современную нарратологию» А. Р. Пшидаток подвергает сомнению наличие подобной связи [20].

Безусловно, взгляды Достоевского и позднего Дерриды продолжают расходиться. В то время как Деррида останавливался на «неопределенности, которая подразумевает определенность», вера Достоевского «гораздо более решительна» [3, с. 566]. Во многих своих текстах, таких как «Поэма о Великом Инквизиторе», Достоевский предостерегает против эксцессов властной личности, которые Ницше (а потом Деррида) оправдывает [3, с. 566].

В то же время профессор Университета Норсвестерн (Northwestern University) Гэри Сол Морсон (Gary Saul Morson) отмечал в «Публикациях ассоциации по современному языку» (Publications of the Modern Language Association), что слависты воспринимали распространявшуюся на Западе деконструкцию иначе, чем их коллеги, так как русская традиция являла ей сильный противовес [3, с. 567]. Таким образом, мнение Морсона созвучно с мнением Уоллеса о том, что влияние Достоевского помогает вернуть на повестку дня те вопросы, которые были отброшены современными нигилистами в литературе. В том, что профессор Гарварда Лоуренс Бьюл (Lawrence Buell) в выпуске «Публикаций ассоциации по современному языку» 1999 г. объявил о конце деконструкции, сказалось влияние Достоевского [3, с. 568]. Деррида, который всегда «избегал отсылок к Достоевскому», в своем «Прощании» напоминает о первостепенной ответственности личности перед другими почти теми же словами из жития старца Зосимы, которые любил повторять Э. Левинас: «...всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех» [3, с. 568]. Таким образом, в статье Страус наблюдается синтез двух тенденций. С одной стороны, исследовательница указывает на близость деконструкции к диалогизму Достоевского сквозь призму теории Бахтина, с другой – Страус полагает, что убеждения Достоевского повлияли на смещение взглядов Дерриды в сторону религии.

Параллели между прозой Достоевского и литературой постмодернизма не ограничиваются соприкосновением диалогизма и деконструкции. Питер Мэтьюс (Peter D. Mathews), профессор Университета Макао, также сближает наследие Достоевского с концепциями постмодернизма. Согласно Мэтьюсу, Яков Петрович Голядкин и Федор Павлович Карамазов послужили прообразами постмодернистских героев. В статье «„Двойник“ Достоевского, постмодернизм и необарокко» («Dostoevsky's The Double, Postmodernism, and the Neo-Baroque») Мэтьюс признает, что творчество Достоевского уместно рассматривать в противовес литературе постмодернизма, создатели которой стремились преодолеть традиции искусства прошлого [10, с. 29]. Тем не менее Яков Голядкин предстает перед читателями в качестве совсем «негероического героя» [10, с. 36]. Повествование ведется с иронией: Голядкин напрямую выступает против применения романских клише к своей личности. Он настаивает на покорности властям и говорит об отсутствии романтических амбиций [10, с. 35–36]. В этом плане «Двойник» уже несет окраску «постмодернистского антиромана» [10, с. 36].

Далее Мэтьюс задается вопросом о том, где проходят границы распада личности в «Двойнике»

Достоевского. Исследователь показывает, что раздвоение выходит за грани «диады» Голядкиных старшего и младшего [10, с. 32]. Например, Яков Голядкин встречает трех одинаковых прохожих на пути домой. Здесь Достоевский дает понять, что раздробление будет продолжаться все дальше и дальше [10, с. 32]. Дома Голядкин встречает еще одного «двойника» ранее встреченных прохожих. Это уже выходит за рамки возможного в действительности и заставляет предположить, что Голядкин испытывает невроз с галлюцинациями [10, с. 34]. Таким образом, раздробление происходит не в реальности, а в сознании героя. Достоевский становится первопроходцем в «постмодернистской практике стирания граней между реальностью и обозначением» [10, с. 34].

Критика психоанализа Жилем Делезом и Феликсом Гваттари также подразумевает стирание граней между психической реальностью и «виртуальной» [10, с. 34; 21]. Согласно Фрейду и др., распад оригинала на копии подразумевал наличие исходного образа, который подменялся «латентным содержанием» [10, с. 35]. Однако, согласно Делезу, «исходной формы» не существует, а множество копий заложены в структуре объекта как динамическое целое [10, с. 39]. Повторение «без возвращения» можно сравнить с шахматной партией, которую невозможно воспроизвести в точности, повторив все ходы. Достоевский, описывая сон Голядкина, отображает весь размах «полифонического хора» бесконечных двойников, которые поглощают исходный образ [10, с. 40]. «Двойник» Достоевского поддается постмодернистскому прочтению, по Делезу и Гваттари. Раздробление происходит не единой, а бесконечно. Каждая из копий подразумевает новое начало, а грани между оригиналом, Голядкиным-младшим, и двойниками во снах и в галлюцинациях стираются [10, с. 37; 21]. Таким образом, в статье Мэтьюса Достоевский выступает в качестве предтечи писателей-постмодернистов.

В статье «Постмодернисты Достоевского и поэтика воплощения» (Dostoevsky's Postmodernists and the Poetics of Incarnation) профессор Университета Брауна Светлана Евдокимова также рассматривает Достоевского как создателя первых героев постмодернистской прозы [7]. Исследовательница напоминает, что эстетика постмодерна представляет собой «изучение окостенелых симулякров» – знаков, оторванных от референтов [7, с. 214]. «Идеал содомский» Дмитрия Карамазова – явление того же ряда. Он представляет собой фантазм, который, согласно платонической эстетике, кажется прекрасным, но связи с прекрасным не имеет [7, с. 216; 16]. Когда Федор Карамазов плюет на икону, он отвергает не только образ, но и саму идею наличия «прообраза за изображением, оригинала за копи-

ей» [7, с. 217–218]. Федор Павлович также регулярно создает «непереводимые неологизмы» [7, с. 220]. Он «выкинул свое последнее колено», настаивая на том, что случайно встретившийся ему на обеде помещик Максимов – жертва нашумевшего когда-то убийства, некий фон-Зон [16, с. 81]. На этом сходстве Федор Карамазов настаивает, несмотря на то что портрета убитого никогда не видел [7, с. 220]. «Видоизмененные цитаты, ссылки на несуществующие оригиналы, деконструкция культурного интертекста, гипертекстуальность, означающие, отделенные от означаемого, подмена прекрасного остроумным, головокружительностью провокации и перформанса – все это связывает поведение Федора Карамазова с эстетикой постмодерна», – отмечает Евдокимова [7, с. 223]. Таким образом, Федор Карамазов является «провозвестником обольстительного нового мира симулякров» [7, с. 231]. Черт Ивана Карамазова представляет собой еще одно свидетельство отделения мира идей от мира физического: он сетует на невозможность воплотиться «в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху» [7, с. 223]. Таким образом, Достоевский предчувствовал раскол с «основаниями платонической традиции» [7, с. 222].

Сам писатель стремился к «реализму в высшем смысле», основанному на «реальности идей» [7, с. 222]. Картина Ганса Гольбейна «Мертвый Христос в гробу» – пример произведения искусства, которое отсылает зрителя напрямую к идее, минуя внешнее сходство с изображаемым [7, с. 230]. Согласно Евдокимовой, Достоевский не просто восхищался художественной силой этого произведения, но видел в нем пример универсальной христианской эстетики, способной объять даже уродливое [7, с. 229]. Итак, «реализм в высшем смысле» Достоевского стремился преодолеть платоническое размежевание между миром идей и видимым миром, а всем уродствам мира надлежало восполнить красоту христианского мироздания [7, с. 231]. Таким образом, Достоевский, с одной стороны, создает первого провозвестника грядущего мира симулякров, а с другой – защищает основы духовности в противовес всплеску иконоборчества, описанному Ж. Бодрийяром [7, с. 231]. Симулякры и раздробление действительности, которые позднее будут причислены к характеристикам постмодернизма, присутствуют в «Братьях Карамазовых» как явления отрицательные.

В статье Арнаба Дасгупты (Arnab Dasgupta) «Автор умер, да здравствует автор! Постмодернистский метанарратив и роль функции автора» (The Author is Dead, Long Live the Author! Postmodern Metanarrative and the Performance of the Author Function) проводится еще одна параллель между наследием Достоевского и постмодерниз-

мом. Дасгупта основывает свою концепцию на романе южноафриканского писателя Дж. М. Кутзее «Осень в Петербурге» (Master of Petersburg). Исследователь применяет идеи Роланда Барта, обозначенные в эссе «Смерть автора», к созданию романа «Бесы» Достоевским [6, с. 1]. Кутзее, следуя по стопам Бахтина, выводит Достоевского в качестве персонажа, ведущего диалог с героями собственного романа [6, с. 5]. Кутзее также намекает на то, что при создании романа «Бесы» Достоевский опирался на дневники своего пасынка Павла. Согласно Дасгупте, подобная интерпретация иронизирует над «авторским правом», выводя Достоевского в качестве человека, погрязшего в сложностях личной жизни, эпохи и т. д. – в окружении собственных персонажей. Таким образом, процесс создания романа «Бесы» вписывается в концепцию Барта о тексте как о многомерном пространстве без иерархий [6, с. 6]. Подобная интерпретация сближает наследие Достоевского, прочитанное сквозь призму теории Бахтина, с постмодернизмом.

Вопросом иерархий в постмодернистском повествовании также озадачивается профессор Университета Джорджии (University of Georgia) Александр Спектор в своей статье «Меж скорбью и меланхолией: повествовательная этика у Федора Достоевского и Витольда Гомбровича» (Between Mourning and Melancholy: Narrative Ethics in Fyodor Dostoevsky and Witold Gombrowicz). Спектор напоминает, что кризис авторитетов, перешедший в «кризис авторства», являлся основной характеристикой модернизма [4, с. 187]. Исследователь также связывает недоверие личности к нравственным и религиозным авторитетам с психоаналитическим определением меланхолии, в процессе переживания которой личность отказывается восстанавливать связи с окружающим миром. Согласно Спектору, модернистское повествование, несмотря на свойственную ему меланхолию, сохраняет «ностальгию» по выходу из ее цикла [4, с. 187]. Тем временем литература постмодернизма воспринимает разрыв с окружающим миром и его авторитетами как естественный [4, с. 187]. Повествователи Достоевского «вступают в напряженную борьбу со своими адресатами за доминирование, обусловленное узурпацией репрезентации», т. е. за авторское право над повествованием о себе самих [4, с. 189]. «Авторство, – уточняет Спектор, – подразумевает возможность триумфа над метафизическим одиночеством, но с побочным эффектом – узурпацией власти над другими» [4, с. 192]. Затем исследователь проводит параллели между «Кроткой» Достоевского и произведениями Гомбровича [4, с. 197; 18]. Достоевский, описывая отчаяние ростовщика после смерти жены, намекает на причину трагедии героя. Многочисленные упоминания христианства

наводят читателя на мысль о том, что хаос в душе ростовщика образовался из-за отсутствия веры [4, с. 200]. Однако Витольд, герой «Космоса», в отличие от героя Достоевского, не знает, что потерял. Его состояние соответствует психоаналитическому определению меланхолии [4, с. 201].

Герои обоих произведений не способны примириться с окружающей действительностью. Их стремление вернуть смысл своему существованию порождает насилие. И хотя ростовщик «Кроткой» не способен преодолеть свое отчаяние, читатель может предположить то религиозное примирение, которое ускользает от героя [4, с. 189]. Постмодернистский роман Гомбровича, в свою очередь, «исключает такую возможность» [4, с. 205]. Согласно Фрейдю, когда меланхолик обращает агрессию внутрь, эго отделяется от суперэго, а последнее реагирует насилием. Витольд находит возможность избежать насилия, пишет Спектор, через взаимодействие с другими. Только таким образом он способен сохранить частичку нравственности «в мире без стабильного референта» [4, с. 206]. Тогда как в модернистской прозе насилие происходит на фоне «потери онтологического единства», постмодернистское повествование ассимилирует эту потерю [4, с. 206]. Таким образом, Спектор противопоставляет наследие Достоевского этическому релятивизму литературы постмодерна: окончательного избавления от «метафизического одиночества» постмодернистский роман предложить не может ни героям, ни читателю [4, с. 192].

В противовес этическому релятивизму литературы постмодернизма диссертант Университета Лидз (Leeds University) Майкл Боуден ставит ряд произведений современной литературы, написанных под влиянием Достоевского. Высказывание Курта Воннегута в «Бойне номер пять» о том, что сегодня «Достоевского больше не хватает», заставляет Боудена задаться вопросом о том, почему современные исследователи и писатели продолжают обращаться к Достоевскому [2, с. 1].

Боуден объясняет мнение Воннегута кризисом этической традиции, господствовавшей до Второй мировой войны [2, с. 2]. Чтобы обосновать возвращение традиции XIX и начала XX в. в современность, Боуден предлагает отвязать наше понимание этики Достоевского от православия [2, с. 6]. Ницшеанство, пишет Боуден, послужило водоразделом между религиозными и нравственными идеалами прошлого и современностью [2, с. 18–21]. По оценке Дэвида Фостера Уоллеса, напоминает Боуден, в современном американском обществе отсутствуют такие идеалы, как любовь, духовность или даже свобода; произведения современной литературы тематически и нравственно поверхностны [2, с. 22]. Кутзее, пишет Боуден, также отмечает в «Дневнике

плохого года» (*Diary of a Bad Year*), что любое положение о высшем моральном законе относится к иному поколению и к другому миру [2, с. 22]. Еще более острую оценку находит постсоветская постмодернистская проза в осмыслении эмигрировавшего литературоведа Марка Липовецкого [9]. Липовецкий противопоставляет постсоветский гиперреализм классическому реализму Гоголя и Достоевского, которые освещали страдания «маленького человека» с долей сочувствия или возмущения. В отечественной постмодернистской прозе мир маленьких людей становится миром социальных зол и бесправия. Насилие совершается жертвами социальной несправедливости друг над другом, а предметами порицания становятся не пороки общества, а их жертвы [9, с. 179].

Важная особенность «достоиевистической литературы» для Боудена – феномен «метафизической ностальгии». Расул в романе Атика Рахими в «Будь проклят Достоевский» – пример личности, тоскующей по традиционной этике на фоне нового мироустройства. Он, как и Раскольников, совершает убийство в начале романа и все оставшееся время разбирается с его последствиями [13]. Сбивчивое повествование, подчеркнутая неопределенность, осознанная текстуальность – все это элементы постмодернистской прозы [2, с. 137]. Роман может прочитываться как пастиш на «Преступление и наказание». Расул приезжает в опустошенную войной столицу с целью заявить на себя за совершенное убийство. Но в разбомбленном Кабуле не действует суд [2, с. 11]. На фоне повествования о современной войне такие понятия, как «закон» и «ответственность», давно потеряли значение. Расул держится за чувство вины как за последнее свидетельство собственной человечности [2, с. 12]. Таким образом, герой романа Рахими испытывает «метафизическую ностальгию» по нравственным абсолютам, исчезнувшим в современности.

Литература модернизма отразила кризис веры и в Божий промысел, и в универсальные законы разума, провозглашенные в эпоху Просвещения, а литература постмодерна ушла еще дальше [2, с. 28]. Универсальная модель нравственности времен Достоевского недостаточна [2, с. 33]. Однако, согласно Боудену, этот разрыв можно преодолеть с помощью диалогической структуры повествования, открытой Бахтиным. Диалогизм позволяет писателю передать свои нравственные искания, не прибегая к моральным мандатам. Вместо Бога появляется «пассивный импульс» к восприятию другого, не стремящийся подчинить другого себе [2, с. 172]. Герой полифонического романа стремится удержать свое право на независимость от самого автора [2, с. 44; 19]. В «достоиевистических» романах происходит регрессия к модернизму, которую Боуден

именует «постпостмодернизмом» [2, с. 103–105]. С одной стороны, «постпостмодернизм» подразумевает ностальгию по этической традиции прошлого, а с другой – предполагает «непреодолимую дистанцию» от нее [2, с. 114]. Спору Ивана и Алеши, который был актуален для модернистов, Боуден противопоставляет диалог между Иваном и Смердяковым. Смердяков – представитель «постницшеанского морального релятивизма», носитель убеждения в том, что «все позволено» [2, с. 119]. Возвращаясь к богословским и моральным вопросам, пишет Боуден, современные писатели обязаны подняться над катаклизмами XX в., чтобы избежать обвинения в трусости, предъявленного Смердяковым Ивану [2, с. 122].

Возвращение к нравственным ценностям помещает эти произведения современной литературы вне контекста постмодернизма и постструктурализма 1970–80-х гг. [2, с. 114]. Сходная мысль присутствует в сопоставлении философских исканий Достоевского и Дерриды у Н. Страус. Если воспринимать Дерриду в качестве одного из главных представителей постмодернизма, то его «обращение» в конце XX в. знаменует «возвращение трансцендентального измерения» и говорит о «безмолвной солидарности» с поздним Достоевским в интерпретации Бахтина [2, с. 117]. Однако новая диалогическая этика не полностью компенсирует отсутствие универсальных ценностей: «этическая динамика полифонии» подсознательна и нестабильна [2, с. 177]. Присущая «постпостмодернизму» метафизическая ностальгия, пишет Боуден, отразилась в явлении, описанном Тимотеусом Вермеленом (Timotheus Vermeulen) и Робинот ван ден Аккером (Robin van den Akker) в «Заметках о метамодернизме» [2, с. 180–181]. Сложившееся «метамодернистическое» направление стремится к тому, чего не ожидает найти, – к «некоему социально-этическому идеалу» [2, с. 182]. В то же время это стремление «сдерживается постмодернистским скепсисом» и представляет собой новую форму «кантианского отрицательного идеализма», который осознает свои ограничения [2, с. 182]. Таким образом, с точки зрения Боудена, сохранение абсолютов религии и нравственности в творчестве Достоевского в сочетании с диалогизмом остается актуальным в мире, пережившем деконструкцию ценностей.

Например, в статье «Бесстыдство и новая искренность: Достоевский, Дэвид Фостер Уоллес и Америка Трампа» (*Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump's America*) Боуден еще раз указывает на то, что наследие Достоевского составляет противовес культурным практикам постмодернизма [5]. Риторика современных американских политиков, со-

гласно Боудену, основана на циничной лжи. Следовательно, возникает необходимость в новом понимании искренности. Боуден предлагает возможность преодолеть современную практику постправды, опираясь на новую этику, вдохновенную Достоевским и его раскрытием понятия «стыд» в «Братьях Карамазовых».

Заключение

В своих исследованиях Майкл Боуден, Арнаб Дасгупта, Светлана Евдокимова, Питер Мэтьюс, Александр Спектор, Нина Пеликан Страус и другие проводят параллели между творчеством Достоев-

ского и литературой постмодернизма. Работы Мэтьюса, Дасгупты, Евдокимовой и Страус сближают определенные грани творчества Достоевского с литературой постмодерна. Герои Достоевского, такие как Яков Голядкин и Федор Карамазов, предвосхищают образы героев постмодернистских романов. Структура романов Достоевского резонирует с концепцией «смерти автора», а также с протестом против иерархий. Однако, согласно Страус, Спектору и Боудену, произведения Достоевского утверждают религиозные и нравственные ценности, сохраняя актуальность в мире, пережившем катаклизмы XX в., эпоху нищезанятия и деконструкции.

Список источников

1. Wallace D. F. Joseph Frank's Dostoevsky // Consider the Lobster and Other Essays. London: Abacus, 2014. P. 255–274.
2. Bowden M. J. Contemporary dostoevskian literature: the post-postmodern repositioning of dostoevskian ethics in novels by David Foster Wallace, JM Coetzee and Atiq Rahimi: dis. ... PhD. Leeds, 2021. 355 p.
3. Straus N. P. Dostoevsky's Derrida // Common Knowledge. 2002. № 8. P. 555–567.
4. Spektor A. Between Mourning and Melancholy: Narrative Ethics in Fyodor Dostoevsky and Witold Gombrowicz // Comparative Literature. 2014. № 66. P. 186–207.
5. Bowden M. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump's America // Literature of the Americas. 2021. P. 155–182.
6. Dasgupta A. The Author is Dead, Long Live the Author! Postmodern Metanarrative and the Performance of the Author Function // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2021. № 13. P. 1–9.
7. Evdokimova S. Dostoevsky's Postmodernists and the Poetics of Incarnation // Dostoevsky Beyond Dostoevsky: Science, Philosophy, Religion. 2016. P. 213–235.
8. Holquist M. The Surd Heard: Bakhtin and Derrida // Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies / ed. Gary Saul Morson. Stanford: Stanford University Press, 1986. 258 p.
9. Lipovetsky M. Post-Soviet literature between realism and postmodernism // The Cambridge companion to twentieth-century Russian literature. 2011. P. 175–193.
10. Mathews P.D. Dostoevsky's "The Double", Postmodernism, and the NeoBaroque // The Dostoevsky Journal. 2000. № 1. P. 29–42.
11. Coetzee J.M. The Master of Petersburg. New York: Penguin, 1994. 250 p.
12. Coetzee J. M. Diary of a bad year: Text classics. Melbourne: Text Publishing, 2012. 192 p.
13. Rahimi A. A Curse on Dostoevsky: A Novel. New York: Other Press, 2014. 272 p.
14. Vonnegut K. Slaughterhouse-Five: A Novel. 1994. New York: Modern Library, 1994. 215 p.
15. Wallace D. F. Infinite Jest: a Novel. Boston: Little, Brown and Company, 1996. 1088 p.
16. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом / Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1975. 511 с.
17. Достоевский Ф. М. Двойник. Петербургская поэма / Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. 519 с.
18. Достоевский Ф. М. Кроткая / Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. 518 с.
19. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 2017. 640 с.
20. Пшидаток А. Р. Бахтинская концепция события и ее влияние на современную нарратологию // Новый филологический вестник. 2024. № 2. С. 20–31.
21. Guattari F., Gilles D. A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia. London: Athlone Press, 2000. 632 p.

References

1. Wallace D. F. Joseph Frank's Dostoevsky. *Consider the Lobster and Other Essays*. London, Abacus, 2014. Pp. 255–274.
2. Bowden Michael Jon. *Contemporary dostoevskian literature: the post-postmodern repositioning of dostoevskian ethics in novels by David Foster Wallace, JM Coetzee and Atiq Rahimi*: Dis. PhD. Leeds, 2021. 355 p.
3. Straus N. P. Dostoevsky's Derrida. *Common Knowledge*, 2002, no. 8, pp. 555–567.
4. Spektor A. Between Mourning and Melancholy: Narrative Ethics in Fyodor Dostoevsky and Witold Gombrowicz. *Comparative Literature*, 2014, no. 66, pp. 186–207.
5. Bowden M. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump's America. *Literature of the Americas*, 2021. Pp. 155–182.

6. Dasgupta A. The Author is Dead, Long Live the Author! Postmodern Metanarrative and the Performance of the Author Function. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 2021, no. 13, pp. 1–9.
7. Evdokimova S. Dostoevsky's Postmodernists and the Poetics of Incarnation. *Dostoevsky Beyond Dostoevsky: Science, Philosophy, Religion*, 2016. P. 213–235.
8. Holquist M. The Surd Heard: Bakhtin and Derrida. *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies*, ed. Gary Saul Morson. Stanford, Stanford University Press, 1986. 258 p.
9. Lipovetsky Mark. Post-Soviet literature between realism and postmodernism. *The Cambridge companion to twentieth-century Russian literature*, 2011, pp. 175–193.
10. Mathews P. D. Dostoevsky's "The Double", Postmodernism, and the NeoBaroque. *The Dostoevsky Journal*, 2000, no. 1, pp. 29–42.
11. Coetzee J. M. *The Master of Petersburg*. New York, Penguin, 1994. 250 p.
12. Coetzee J. M. *Diary of a bad year: Text classics*, Melbourne, Text Publishing, 2012. 192 p.
13. Rahimi A. A. *Curse on Dostoevsky: A Novel*. New York, Other Press, 2014. 272 p.
14. Vonnegut K. *Slaughterhouse-Five: A Novel*, 1994, New York, Modern Library, 1994. 215 p.
15. Wallace D. F. *Infinite Jest: a Novel*. Boston, Little, Brown and Company, 1996. 1088 p.
16. Dostoevsky F. M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete collection of works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. Vol. 14. 511 p. (in Russian).
17. Dostoevsky F. M. Dvoynik. Peterburgskaya poema [The Double: a Petersburg poem]. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete collection of works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. 1. 519 p. (in Russian)
18. Dostoevsky F. M. Krotkaya [A Gentle Creature]. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete collection of works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. Vol. 24. 518 p. (in Russian).
19. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Eskmo Publ., 2017. 640 p. (in Russian).
20. Pshidatok A. R. Bakhtinskaya konseptsiya sobytiya y yeyo vliyaniye na sovremennuyu narratologiyu [Bakhtin's event concept and its influence on contemporary narratology]. *Noviy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*, 2024, no. 2, pp. 20–31.
21. Guattari F., Gilles D. *A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia*. London, Athlone Press, 2000. 632 p.

Информация об авторе

Сушкова Д. В., аспирант, Московский университет имени М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991).

E-mail: windyway4117@gmail.com. ORCID ID: 0009-0000-9305-8508. Researcher ID: IAR-6540-2023.

Information about the author

Sushkova D. V., graduate student, Lomonosov Moscow State University (Leninskiye gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991).

E-mail: windyway4117@gmail.com. ORCID ID: 0009-0000-9305-8508. Researcher ID: IAR-6540-2023.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 18.05.2024; accepted for publication 29.11.2024